

Артём выводит буквы старательно, медленно, чёрточка за чёрточкой.

Перед ним образец — прописи, ещё оставшиеся с первого класса, и он смотрит в них, чтобы его буквы были хоть чуть-чуть похожи на те, что там. Но они не похожи.

Синие, кособокие, мелкие, одна буква залезла на другую, вместо «и» — сплошные палочки.

Он зачёркивает всё слово, злится, зачёркивает сильнее, нажимает на ручку так, что рвётся лист. Вырывает лист, мнёт его в белый с синими полосками комок и начинает писать заново.

Тетрадь разлинована ровно. Красные поля угрожающе близко. Он боится зайти за них, не успеть перейти на новую строчку. Но успеваёт, переносит слово вовремя и тяжело вздыхает, словно от физической усталости.

— Не мельчи. Пиши большие буквы. Видишь, как здесь?

Рядом с ним — дедушка. Он бы не старался так, если бы не дед. С мамой не получается, с мамой — совсем другое. С мамой можно закапризничать, захалтурить и ничего в итоге не написать. Но дед... Дед — такого не прощает. Он сидит рядом и смотрит.

И Артём пишет, доводит букву до самой верхней черты, и когда получается — украдкой косится на деда. А дед следит за его рукой.

— Давай, давай, не останавливайся, строчка ещё не закончилась.

И Артём начинает писать быстрее. От этого сбивается, вздыхает, переворачивает страницу и начинает опять.

Артём сейчас в пятом классе. Его всё время ругают за почерк. В школе сложно. Там нужно писать быстро и понятно. А всё вместе не получается. Получается только что-то одно.

И в школе нет дедушки. Только одноклассники. И помочь — некому.

— Опять, посмотри, буква куда уехала, — говорит дед.

Артём смотрит — и действительно, линия перечеркнула букву ровно пополам.

— Букву любить надо и уважать. Она — живая. Если перечеркнёшь букву — это как человека. Мы на войне письма писали на коленках — и то старались.

Артём не понимает: как это — «любить»? Разве её можно любить? Вот маму, бабушку или деда — можно. Это другое дело. Их Артём любит, поэтому сидит терпеливо и выводит свои буквы.

Дедушка живёт с ним всю жизнь. Сколько Артём помнит себя — столько он помнит деда. Бабушку с мамой он тоже помнит. И папу помнит. Но они есть почти у всех его одноклассников. А вот дедушка есть только у некоторых. И у него. Поэтому это выделяет его, он — не как все. И когда спрашивали: «У кого есть дедушка?» — Артём поднял руку и обернулся. Всего несколько человек ещё подняли. И он был доволен.

Он тогда пришёл домой и сказал: — Дед, тебя нет ни у кого. Только у меня.

— Ну конечно, только у тебя, — смеялся дед, — у кого же ещё!

— Нет, ну мама у всех есть и папа. А дед — только у меня.

— Ну прям уж не у кого? — всё смеялся дед.

— Только ещё Макс, Кирилл, Миша, Дашка и Толян руку подняли. И больше никто.

Дед как-то погрустнел. И Артём тогда ещё решил, что, может, ему нехорошо думать, что он такой редкий, что таких мало осталось. И он сказал:

— Ну, в других классах, может, есть. Я не спрашивал.

— А ты спроси, — подмигнул дед, — может, и правда только пять и осталось.

И засмеялся.

Всё это показалось Артёму странным. Дед то грустит, то смеётся. То радуется, что он такой один, то нет. Артём пожал плечами и решил, что не будет спрашивать.

А сейчас дед сидит рядом с ним и говорит, что буквы надо уважать.

— Ведь слово — что такое? — говорит он. — Это целая жизнь. Вот скажешь «лес» — и появляется твоя деревня. А «река» — и вспомнишь, как купаться с тобой ходили.

Да, купаться с дедом всё время ходили. И рыбу ловили. Всё лето — на даче. Один раз от мамы досталось и Артёму, и деду. Когда утром ушли, а пришли к обеду. Бабушка всю дачу оббегала. А они

сидели на их секретном месте, о котором никто не знал, и дед говорил:

— Рыба тишину любит. В той стороне реки людей много, рыба сюда и уходит. А тут—никого. Сейчас рыбы наловим!

— А почему о нём никто не знает? Ты же знаешь.
— Ну—я!—и дед усмехнулся.— Я уже сколько живу! Всё знаю.

— Всё нельзя знать,— сказал Артём,— никто всего не знает.

Артём тогда боялся, что дед обидится. Но дед не обиделся.

Артём выводит слова «лес» и «река» много-много раз. Целую строчку.

Дед встаёт и идёт к окну. Уже темно—осенью темнеет рано.

Дед шуруется, всматривается куда-то. Артём отвлекается, тоже хочет посмотреть в окно, узнать, что там.

— Куда ты смотришь?—спрашивает он.

— Никуда не смотрю. Пиши давай, и получаса не сидим.

Артём опять пишет. А дед всё смотрит в окно.

Артём часто так застаёт деда. Он словно бы спит, а сам смотрит в одну точку.

— Ну ты так долго будешь?—кричит ему тогда Артём.

Но дед поворачивается к нему не сразу.

— Что шумишь? Задумался я.

— Не задумывайся так,—говорит Артём,—мне не нравится, когда ты так задумываешься.

— Ну хорошо, не буду,—смеётся дед.

Дед вообще всегда смеётся. Он ничего никогда серьёзно не говорит. Скажет—а сам смеётся. Ответит—и смеётся. Артёма это ужасно раздражает. Он хочет, чтобы его воспринимали как взрослого, а не смеялись. И он злится на деда. А дед и этого как будто не замечает.

Только один раз дед не смеялся. Когда к нему пришли из журнала. Пришли разные люди. И старые, и молодые—всякие. Пришли—сели за стол—говорили. Долго говорили. И тогда дед был строгий. И Артём казался сам себе совсем ещё маленьким.

— Твой дед—настоящий герой,—сказали они Артёму.

— Почему?—удивился Артём.

— Он подвиг совершил. Что, неужели не рассказывал?

И Артём спросил вечером у деда:

— А ты какой подвиг совершил?

Но дед опять не ответил, а только отшутился:

— Какие все совершали, такой и я совершил.

Артём обиделся и решил больше не писать слова вместе с дедом.

Когда дед пришёл к нему в комнату, Артём не сел за стол, а лёг на диван и отвернулся к стене.

Дед молча подошёл к окну, сел на стульчик около и стал смотреть на улицу. Так и просидел полуженный час, какой они обычно писали с Артёмом.

На следующий день было то же самое. Потом тоже. И всю неделю.

Дед не ругался—он никогда не ругался. Просто сидел, а потом уходил.

Через неделю Артём сдался. И когда дед пришёл опять—уже был за столом с тетрадкой.

Дед достал прописи и стал привычно смотреть, как Артём выводит букву за буквой. И привычно исправлять: «это не то, эта буква не туда ушла, эта вкось поехала».

Артём переписывал одно и то же слово опять и опять.

Это потом Артём узнал, что дед в конце войны на подступах к Вене один взял в плен двух немцев. А на следующий день, в разведке, засёк две огневые точки противника и дал целеуказание для их уничтожения.

Отец рассказал.

— А что такое «целеуказание»?—спросил Артём.
— Цель, значит, верную дал,—ответил отец.

А ещё Артём узнал, что дед первым форсировал Малый Дунай, вёл неравный бой и вышел победителем. А потом принял на себя командование и продолжал бой. За что и получил Красную Звезду.

При жизни деда Артёму об этом не говорили.

Дед его никогда не хвалил—как бы Артём ни старался.

— Ты и так должен делать хорошо,—говорит он,—плохо делать не разрешается.

— Кем не разрешается? Тобой?

— А хоть бы и мной!

— А когда тебя не будет, то можно плохо делать?

— Когда не будет—тоже нельзя!

— А как ты узнаешь?

— Я всё узнаю! Буду в окошко к тебе заглядывать.

И если увижу, что не пишешь в положенное время, то сразу всё узнаю.

— А я окно закрою! И вообще перееду!

— А я и через закрытое. У меня повсюду будут глаза.

Артём больше не знал, что сказать. Он глубоко внутри верил, что дед и правда всё видит, даже если окно закрыто.

— А ты когда-нибудь умрёшь?—спросил однажды Артём.

— Умру,—сказал дед, ни на секунду не задумавшись.

— И как же будет?

— А вот как! Меня возьмут и вот так разрежут,—и дед показал пальцем вдоль живота.

Артём зажмурился.

— Не бойся,—сказал дед,—это уже не больно будет.

Тогда Артёму стало как-то не по себе. Что вот он—дед—скоро, наверное, умрёт, а всё-таки сидит с ним и пишет буквы. Целый час в день! Это же так много! А мог жить для себя.

С тех пор Артём старался научиться писать лучше и быстрее, чтобы дед отдохнул и не сидел больше с ним. Но быстрее и лучше всё не получалось. — А так хорошо?—спросил Артём и посмотрел на ровное красивое слово, написано чётко в своей строчке.

Дед ему не ответил.

— Тём, отдохни. Бабушка пришла, посиди с нами,—вошла мама и встала около него.

Посмотрела в тетрадку:

— Хорошее слово получилось. Молодец.

Артём посмотрел на неё. Обвёл глазами комнату. Больше никого не было. Деда не было.

Мама взяла тетрадку.

— Очень хорошо,—сказала она.—И в школе так же пиши.

— Ладно!—сказал Артём.

Артём закрыл тетрадку и вылез из-за стола.

— Пишешь?—спросила бабушка на кухне.—Деда теперь нет—с тобой заниматься. Давай сам.

— Ладно!—опять сказал Артём.

А сам подумал: глупая бабушка, не понимает ничего. Дед есть, всегда будет, сам же говорил—в окно смотрит. Вдруг Артём замер.

— Сейчас приду!—крикнул он.

Побежал в комнату, открыл тетрадку на хорошем слове, оставил так и убежал обратно.

Дед посмотрит—пусть видит.

И тетрадка осталась лежать на столе, открытая, со словом, ровно уместившимся в чёрточки на листе бумаги.